

*Сыну Андрею.
Светлой памяти его деда
Павла Семеновича*

Что же вам о войне рассказать?
Разве в подвигах дело и славе?

Не дай Бог еще раз испытать
То, что выпало нашей державе.
Чтобы бабы во вдовьих платках,
Чтобы сироты дети.

Чтоб юнцы — молоко на губах
Умидали в кровавом рассвете.

Сорок пятый!.. Победа!..

Три четверти века минуло, а по планете катится война. Балканы. Азия. В Прибалтике пытаются реанимировать фашизм. На Украине гибнут мирные люди. Старики, женщины, дети.

И вновь на Россию льются потоки грязной клеветы. Извращают её историю, искажают историю Второй Мировой войны, роль России в разгроме фашизма. Советский Союз воевал не с одной Германией. Италия, Румыния, Австрия, Венгрия, Чехия (вся объединенная Европа) мечтали уничтожить не державу большевиков, мечтали уничтожить Русь. Чтобы оправдать себя, им сейчас нужна другая история. Нужна победа без России.

Победа в Великой Отечественной войне куплена кровью советского народа. Кто-

то из великих сказал: «Сражения проигрывают полководцы, в войне побеждают солдаты». Пусть историки спорят об ошибках военачальников, просчетах политиков, а народ, заплатив за победу миллионами жизней, отмечал и будет отмечать праздник 9 Мая, праздник «со слезами на глазах», как день всенародной скорби и всенародной радости, как день победы жизни над смертью.

Война! Всё, что я знаю о той Великой войне, и память о рано ушедшем из жизни отце, связано у меня одной неразрывной нитью.

Память, осталась только память, и некому тебя поправить, и не у кого спросить: так ли оно было или не так? Даже от родной отцовской деревни осталась только память. Красноселье оказалось в тридцатикилометровой Чернобыльской зоне. Отца война догнала в госпитале через сорок лет, он и его деревня умерли в один месяц, один год — май 1986 года. Отец от ран, полученных в войне. Деревню уничтожила Чернобыльская трагедия. Осталась память!

Помню старое, мощенное крупным булыжником шоссе. Мы идем к Припяти, к парому. У нас со старшим братом в руках удочки, у отца спиннинг. Встает солнце, парят луга, озера. Дорога неблизкая, и чтобы было легче идти, отец запекает:

*Эх, дороги, пыль да туман,
Холода, тревоги да степной бурьян.*

Поёт с хрипотцой, иногда покашливая, но так и кажется, что это его песня, и поет он о себе. Дорога с глубокими кюветами, заросшими орешником, с вьющейся колючей проволокой ежевикой, ведёт прямо в небо. Чем ближе и ближе к Припяти, тем выше и выше поднимается она над поймой, а затем резко обрывается высоким речным берегом. За сотню метров от обрыва виляет в сторону, прячется в густой зелени обычная грунтовка — к парому. А на крутояре в окружении березок за зеленой оградкой — белый обелиск с пятиконечной звездой: «Вечная память героям, павшим в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами». Звания, имена и дата — 22 июня 1941 года.

Небольшая полесская деревенька Красноселье расположилась в километрах трех от Припяти, но в паводок река часто приходит в гости. Бывали вёсны, когда от избы до избы плавали на утлых, легких челнах, но благодаря этому не знали сельяне, что такое голод. Рыба в каждой луже плещется, да и поля, удобренные илом, приносят щедрый урожай бульбы, жита, льна. В километре шоссе, хочешь на север — 50 километров и райцентр Хойники, еще 100 — Гомель, хочешь на юг, через красавец мост на «ридну неньку» Украину. Школа в деревне была начальная, а семилетка за семь верст в Оревичах, центральной усадьбе колхоза. Хоть и нелегко это было пацану-безотцовщине (Дед Семён сгинул в конце тридцатых, уйдя однажды зимой в город на заработки. Данных о нем ни в каких архивах найти не удалось, да и какие архивы в Белоруссии после той войны!), отец перед войной окончил шесть классов, думал, еще год и поедет учиться в Гомель, в педучилище.

Война! 22 июня немцы разбомбили мост через Припять, там и погибли бойцы его охранявшие, погибли, не успевшие убить хотя бы одного фрица, ни успевшие понять, что началась самая кровавая, самая тяжёлая для нашей Родины война.

«Война!» — прокатилось по деревне. Заголосили бабы, а мужики, покурив на завалинке сельсовета, вскоре собрали котомки и кто на своих двоих, кто на телегах подались в райцентр.

Бои миновали село, слишком быстро фашисты рвались на восток. Рвались по дорогам, а по лесам да болотам отходили попавшие в окружение красноармейцы. Попьют молока, запасутся хлебушком и дальше — догонять своих. Вернулись в село кое-кто из тех, кто ушел совсем недавно на войну, попрятали форму, оружие, да и сами попрятались под бабы подолы. Вылезут вечером на завалинки, рассказывают страсти о фронте, немецкой силе:

— Прёт фриц! Танки, самолёты.

Как понять четырнадцатилетнему деревенскому пацану, воспитанному на мысли, что если на нас нападут, то «мы их шапками закидаем», все происходящее. На юге и на севере гремели бои. В августе фашистские дивизии форсировали Днепр южнее Жлобина, начав наступление на Гомель, в сентябре в районе Лохвицы танки Гудериана и Клейста соединились, окружив Киевский укрепрайон. Но ничего об этом крестьяне не знали, да и не разбирались они в тактике и стратегии. Ранней осенью появились в селе первые немцы — самокатчики. Прикатали на велосипедах. Рукава закатаны. Воротники расстегнуты. Веселые. Хохочут:

— Матка, млеко. Матка, яйко.

Переловили кур и собрались уезжать, а тут из жита вышло на них трое красноармейцев с поднятыми руками. Отобрали у них немцы винтовки, разбили об угол какой-то избы, погнули стволы. Сели на велосипеды и погнали с хохотом бойцов перед собой. Далеко ли те бойцы добежали, никто не знает, много их осталось лежать вдоль дорог, по которым гнали немцы пленных, а возможно догнали до лагеря, и хлебнули они по самое горло фашистской неволи. А пацана слезы давили от обиды за «непобедимую и легендарную». Как же так? С оружием? Почему не перестреляли фрицев?

Вскоре приехали немцы посерьезнее. Эти кур не ловили, а набили целую машину продуктов — селяне сами таскали. Назначили старосту да пару полицейских и укатили. Что староста, что полицейские — свои же сельчане. Староста до войны был бригадиром, а полицейские простые хлебноробы. Стала деревня жить, словно и нет той войны. Обойдет утром староста село, постучит в окна, созывая баб на работу — уборка в разгаре, да вот только: что в колхозный амбар, а что по избам да в схронах спрячут — всему разный счет. Знали, немцы все под метелку подберут. А жить надо. Работал и отец (мужиков на селе почти и не осталось, хромые да хворые), а у отца мать с сестренкой несмышленьшем на плечах. Надо и хлеб убрать, и дров заготовить, зима вот она, не за горами.

А окруженцы все шли и шли. Снег лег на поля, и те из них, которые поняли, что не смогут догнать фронт, оседали по хуторам, селам да окрестным лесам. Как своих не приютить, не накормить, не обогреть? Вот и пекли хлеб на себя да на служивых, благо хлеба было с избытком. Госпоставок не стало, фрицам кинули кусок, а остальное на войну списали, тем более что какая-то часть урожая под снег ушла — вот ее немцам и показывали. Немцы в село заглядывали редко, зима 1941 года выдалась лютая, снежная. Дороги позаметало — никакой техникой не проехать. Морозы и партизан выгнали из леса, ведь это были в основном окруженцы, не успевшие ни запасов сделать, ни лагерь зимний обустроить.

Кочевали отряды из села в село — неделю в одной деревне, неделю в другой. Вылазки делали подальше, то там немецкий обоз перехватят, то там мелкий гарнизон уничтожат, комендатуру, склады сожгут. В январе 1942 года нашелся иуда, не из своих — не из красносельцев, кто-то из отряда сбежал, не вынес холода да голода, а возможно и гестапо заслало. Позже, рассказывали, служил полицаем в Хойниках — зверствовал. Убежать в сорок третьем с немцами не успел, поймали его бабы, затащили в лес, мордовали до крови, до полусмерти, а потом голого воткнули в муравейник и привязали к дереву, возможно и не об этом предателе речь то шла, но собаке собачья смерть.

А тогда, в январе 42-го, отец на селе считался ладным парубком и по вечерам ходил на посиделки. Девчата куделю пряли, пели протяжные русско-белорусско-украинские, одним словом полесские песни, хлопцы курили, балагурили, а потом провожали девчат по домам, но если до войны у каждой дивчины свой провожатый был, то теперь один на семерых, да и то, либо малолетка-подросток, либо увечный. Тем вечером сидели с девчатами мой отец и сухорукий Жегера — левая рука у него с детства покалечена была, оттого и на фронт не взяли, а так мужчина ладный был, в кузнице подручным — меха раздувал и пудовым молотом одной правой играючи работал. Девки пряли, отец лучину менял, Жегера самокрутки крутил да байки травил. Заскрипела дверь, на пороге в белом маскхалате немец. Показал стволом автомата на Жегеру, на отца:

— Ком, ком. Шнель, шнель.

В чем были, вывел из хаты и погнал по тропинке. Мороз, тропинка — снег по пояс, а где и выше. Дошли до сруба (до войны собрались клуб строить, да не успели), намело там сугробы выше головы. Только завернули за угол, отец сообразить не успел, как его Жегера через сугроб перекинул, опомнился в снегу. Вскочил, а ни немца, ни друга уже не видно. Снег метет, холодно. Где-то собака залаяла. Очередь — завизжала, затихла.

Бросился отец домой, схватил сестренку, набросили с матерью, что под руку попало, и в поле. Упали в ивняке, лежат в снегу. Над селом уже зарево, а за селом немецкие автоматы: «Та-та-та. Та-та-та». До утра пролежали, зачоченели, но вот слышат, загудели машины на шоссе, уехали немцы. Деревня полыхала. Все мужчины, которых захватили немцы, были расстреляны, старосту и полицейских повесили посреди села. Отцовская изба тоже сгорела, мать с сестрой приютились у кого-то из сельчан, а отец ушел в партизаны, ушел вместе с Жегерой — задавил тот все же этого фрица, в снегу утопил.

Отряд был маленький, человек двадцать. Да оно и понятно — зимой такому отряду и прокормиться, и укрыться легче. Командовал старший политрук, окруженец, а остальные все свои, друг друга по имени-отчеству звали. Чужих старались не брать. Как его проверишь, особого отдела нет. Мало их было, но без дела не сидели. Пожалуетса народ, что кто-то из полицаев зверствует или староста лютует, перед хозяевами выслуживается, скараулят да на осине вздернут — другим в науку. Было противотанковое ружье, когда разживутся к нему патронами, идут на железку расстреливать паровозы. На саму железку не выходили, ни взрывчатки, ни минеров в отряде не было, да и так другой раз отрывались с боем, следы на снегу — собак не надо. Но если попадался состав с горючим и боеприпасами, фейерверк устраивали на всю округу, а нет, то пар из паровоза выпускают. Пока другой паровоз подгонят, да состав выташат. Время на войне — тоже оружие.

Перезимовали. Кто-то погиб, кто-то пришел новый, стали с соседями объединяться. Нашли в одной из речушек притоленную «сорокапятку». Почистили, чем-то смазали, оказалась исправна, даже прицел на месте. А фрицы открыли на Припяти навигацию. Используя Днепровско-Бугский канал, стали сплавлять баржи. Припять начинается у западной границы и впадает в Днепр немного выше Киева, там, где сейчас начинается Киевское море. Плавали немцы спокойно, пустили даже пассажирские пароходы для отдыха господ офицеров.

Шлепают плицами колесный пароход, веселятся фрицы, любят ландашфтом, щелкая «лейками» — на память, родным в Фатерлянд отправить. Но недолго музыка играла. Поджала мель пароход к берегу, в упор из зарослей ударила «сорокапятка», в борт осколочно-фугасным. Мал снарядик, так и пароход не броненосец. Разбило колесо, закружило пароход по дуге, а еще пару снарядов по ватерлинии, и стал он хлебать воду. Подключились пулеметы. По капитанскому мостику, по ресторану, по каютам. Задымило, полыхнуло жарким пламенем, запрыгали немцы в воду, но немногие доплыли до противоположного украинского берега, больше пошло на корм сомам да налимам. Не раз и не два выкатывали партизаны свою артиллерию на припятские берега, меняя и место и время. То утречком, когда из густого тумана видны только одни мачты плывущей посудыны, то среди ясного дня, как гром господень, рявкнет пару раз пушечка, добавят пулеметчики из РПД и «по коням» — поминай, как звали. А на дно шли оккупанты, взрывались боеприпасы, горело топливо для танков.

Вскоре пришли на Полесье соединения Ковпака. По сравнению с местными

сельскими партизанами почти регулярная армия. Командный состав в форме, со знаками различия, на головных уборах не красные ленточки, а красноармейские звездочки. Главное же — вооружение. Не одна жалкая пушчонка — добрый десяток. Было даже несколько танкеток. Влетали ковпаковцы в села на тачанках, полицейских из погребов да курятников повытаскивают и на майдан. Как сельяне скажут — кого вздернут, кого отпустят. Крупные населенные пункты блокировали. Немецкие гарнизоны, состоящие из тыловикиов, противостоят им не могли. На время Советская власть вернулась. Много молодежи влилось в ряды ковпаковцев, позарился было отец на форму, на кажущуюся непобедимость такой армады, но отговорил его дядя Жегера, ставший к тому времени комиссаром отряда: «Сынок, ковпаковцы пришли и уйдут, а кто здесь воевать будет? Ты здесь нужен. Сестре. Матери. Своей земле».

Немцы тем временем, сняв с фронта несколько дивизий, взялись за партизан всерьез, решив окружить и уничтожить их в междуречье Днепр — Припять. Завязались кровопролитные бои. Запылали полесские хаты, и уже целые села со всем скарбом, семьями уходили в леса, в болота. Это уже была другая война. Против партизан шли не тыловики, не отдельные карательные батальоны, шли матерые вояки, егеря. Фашисты бросили против партизан танки, самолеты, и если бронетехника вязла в болотах да зыбучих песках Полесья, то бомбежки изнуряли, авиационная разведка лишала отряды, отягощенные мирным населением, скрытности, маневренности. Стал ощущаться недостаток продовольствия, сильнее всего сказывалось отсутствие соли. Использовали золу, порох, что бы хоть как-то притупить солевой голод.

Недобрым словом поминают Ковпака на Полесье. Всего-то ничего покрасовалось по селам его войско. Сманили молодежь и, прорвав всей армадой блокаду, ушли на Украину через Припять. При прорыве на переправе полегло немало партизан.

Немцы быстро закрыли прорыв. С боями, лесами да болотами отходил к Днепру отряд, в котором воевал отец, на руках унося раненых и детей. В глубине болот на островах рыли землянки и оставляли в них тех, кто уже не мог идти дальше, делясь с ними скудным запасом продовольствия и боеприпасов. Выживут ли? Никто не знал. Шли дальше к Днепру, который щедро напоили при переправе своей кровью. Ушли на Брянщину.

А Ковпак повел свою бригаду от Путивля до Карпат. Разгромить румынские нефтепромыслы партизанским рейдом — авантюра! Пусть историки выясняют инициаторов и целесообразность этой операции, только из каждой сотни полесских хлопцев, ушедших с Ковпаком, вернулись единицы. В Красноселье — одна тетя Аня, которая была в отряде медсестрой и вернулась, сопровождая раненных офицеров. Штаб, Ковпака вывезли на самолетах, а брошенные отряды бились смертным боем в окружении. Земля чужая, речь чужая. Румыны, немцы, бандеровцы — все навалились, все против. В плен партизан не брали. Особенно зверствовали бандеровцы, выжигали звезды, сажали на кол, с живых сдирали кожу. Кровавый рейд.

Отцовский отряд уже по зиме, переходя реки по льду, вернулся в родные места. Немцы блокаду сняли, считая, что с партизанами покончено. Реки замерзли. Только реки в Белоруссии коварные, бывает уже в начале декабря встанут, лед держит сани с лошадьёю, а к Крещению промоины под снегом появляются, на лыжах не пройдешь. Болота всю зиму дышат, немцы так и не смогли пройтись, как задумывали, частым гребнем по Полесью.

Партизаны вернулись. Отыскивали уцелевшие базы, выводили ослабевших людей из болот. Хоронили умерших, помогали обустроиться живым. Вторая зима оказалась намного тяжелее первой. Запасов никаких, население после блокады тоже вконец обнищало. Уже не крестьяне кормили партизан, а отряды делились с селянами продуктами, отбитыми у немцев. Немцы отвечали на вылазки партизан карательными акциями. Но по сравнению с предыдущей блокадой это уже не пугало партизан. Отряды готовили запасные базы, объединялись, отражали натиск, рассыпались и снова объединялись. Основная задача была защитить лагерь с гражданским населением, вывести их из-под удара.

Так прошла вторая военная зима. Как ждали лето? Отец говорил: «Ничего так не хотелось, как согреться». Днем ни костры, ни буржуйки в землянках не жгли. Немцы стали тренировать своих летчиков по точечному бомбометанию, и те запросто могли сбросить бомбу на одинокую церквушку, расстрелять пешехода на проселочной дороге, а уж дым в лесу они никогда не пропускали. И лето пришло. Наши на фронте наступали. Слово «Сталинград» стало любимым паролем. Летом 43-го была объявлена «рельсовая война». Все, кто мог, были брошены на вражеские коммуникации. Рвали рельсы, мосты. Валили и жгли телеграфные столбы. Земля буквально горела у оккупантов под ногами. Отгремела Курская битва. Осенью освободили Киев, Гомель. В прифронтовой полосе стало тесно, какие-то отряды откатывались на запад, другие переходили линию фронта, вливаясь в ряды Красной Армии, части которой сильно поредели во время тяжелых наступательных боев.

Людей не хватало. Получи форму, оружие — и в строй. Отец попал в ИПТАБ (истребительный противотанковый батальон). Это у партизан «сорокапятка» была в почете, а фронтовики называли ее «Смерть врагу — хана расчету». Стреляла она прямой наводкой, стояла чуть ли не в окопах. Пару выстрелов — маскировка долой. Три, четыре боя — нет ни пушки, ни расчета. Вначале отец был ездовым, потом сменил убитого заряжающего. Бои на правобережье Днепра были жестокими, фашисты беспрестанно контратаковали. Отец говорил, что и познакомиться не успевали. Утром пришел — в обед убит. В одном из боев разбило орудие, из расчета один отец живой — контузия, осколочное ранение в грудь. Но жив, повезло.

Госпиталь. Запасной полк. Кормежка по тыловой норме. Муштра.

— В атаку! Ура!!! Окопаться. В атаку!

Не фронт. Пули не свистят. А кровь из носа, из ушей.

Покупатели приедут из частей берут бывалых, а пацан кому нужен. Схитрил отец. Приехали флотские, он камешки под каблуки подгрел (ростом война так и не дала подняться, а кости был широкой) и на вопрос «Комендоры есть?» бодро выкрикнул:

— Я.

— Выйти из строя.

— Есть.

Стал отец моряком. Отправили в Ленинград. А когда поняли, что никакой он не комендор, а пацан-партизан, отправили на завод, восстанавливать корабли. Ведь во время блокады со многих кораблей снимались орудия. Укрепляли оборону города, крупные корабли превратились в плавучие батареи. Доставалось им и от артобстрелов и от бомбежек. Все надо было быстро восстанавливать. В разбитых цехах плечом к плечу и краснофлотцы и гражданские, взрослые и дети. Только флотский паек не тыловая норма. Хватало самому, делился и с гражданскими. Не

будешь же ворочать тяжелое железо вдвоем, а кулеш хлебать из котелка в одиночку. Нелегко давались деревенскому хлопцу премудрости заводских профессий, выручали смекалка да трудолюбие. Желание учиться.

Довелось отцу походить по Балтике и на эсминце, но вскоре отобрали команду краснофлотцев и отправили на усиление Черноморского флота. На Дунае встретил конец войны.

Победа!

Солдаты, моряки демобилизовавшись возвращались домой, а отец по документам еще только подлежал призыву. Служба — не война. Отцу нравились и флотский порядок, и дело, которым он занимался. К этому времени он стал командиром отделения электриков. Другой жизни не знал, да и не задумывался о том, что делать дальше. Служить ему было еще да служить. Осенью 47-го катер, на котором шел отец, налетел на мину, на свою или чужую — без разницы. Черное море из-за мин после штормов напоминало суп с клецками. Почти сутки отец пробарахтался в осеннем море, пока подобрали. Из двух десятков спасли человек пять. Повезло! Снова госпиталь. Контузия. В раненном в 1943 году легком — туберкулезный очаг от переохлаждения. Чахотка. Вырезали пораженное легкое, а процесс не останавливается. Как-то, выходя из кабинета врача, отец услышал за спиной шепоток медсестер:

— Молодой, симпатичный, а года три — не больше.

Комиссовали. Дали инвалида Красной Армии II группы. Свободен. А отец рад, что жив остался. Над разницей — инвалид ВОВ или КА — не задумывался. Вернулся в деревню. Мать с сестренкой в землянке горе мыкают, сам кровью кашляет, а все равно радуется — жив остался! Что-то успел за службу собрать, невелики деньги. Но в деревне в то время и тех не было. Выписал лес, помогли соседи, друзья (Жегера парторгом колхоза был), скатали избушку в три окна.

Почти всех барсуков в округе отец перевел. Лечился барсучьим жиром да мясом. Одно понял: не выжить ему в деревне, не потянет в дождь и холод в поле работать, надо уходить в город. Как ни пытались удержать, а закон на его стороне — инвалид, и паспорт на руках.

Гомель после войны в развалинах, жить негде. Заводы только восстанавливаются. Устроился на железную дорогу. Прошел медкомиссию, сменили группу на третью, а иначе бы не приняли. Снял угол у стариков. Приехал в деревню, привез подарки матери с сестрой. А сестра в слезы, думала, что останется отец в деревне, будет ее с матерью пестовать. Ушел отец к мужикам, за жизнь поговорить, девка-дура со зла все отцовские награды, справки, документы в печку. Выгреб отец из золы обгоревшие медали, сложил в солдатский сидор свои вещи и ушел к автобусу. Потом, через года, пришлось ему с боем добывать справки да подтверждения по всем архивам.

С нашей мамой, Раисой Сергеевной, встречался не долго. На третий вечер, провозжая маму, спросил у будущей тещи, стоявшей у калитки:

— Евдокия Сидоровна, я вашу дочку хочу замуж взять.

На что та, смеясь, ответила:

— Бери. У меня еще две есть.

Вот так: три вечера встречались, а прожили душа в душу без малого сорок лет. Снимали жилье, трудились. В 1953 году родился Петр, в 1954 — я. Те годы были очень тяжелыми не только для родителей, для всей Белоруссии. Нехватка ощущалась во всем, и все же люди верили в лучшее. Помыкавшись по квартирам,

получили родители комнату, переделанную из бытовки в старом красного кирпича трехэтажном доме.

Красное солнце на закате отражается в стеклах, отец с братом нам сделал луки; высоко, далеко летит тальниковая стрела, кажется, выше дома, из конца в конец обширного двора. А мимо стучат колесами составы, которые мы часто долго пропускаем, стоя на переезде, за которым детский сад. Оно до сих пор стоит, старенькое деревянное здание, переделанное под жилой дом. Вот только вместо железнодорожного переезда большой мост. С него как на ладони и бывший двор детского садика, и большой красный дом, где мы прожили несколько лет в похожей на пенал комнате. Стояли в ней две кровати, стол, самодельный шкаф для одежды и большая печка, топившаяся углем-антрацитом, с диковинными слепками неизвестных растений на блестящих чернотой изломах. В этой комнате в последний раз видел бабушку Хадору, мать отца. После операции маленькая, худенькая старушка пыталась нас с братом накормить немного подгоревшей манной кашей. Сейчас бы без проблем выкинули ее, а тогда каждая жиринка была на учете. В 57-м получили новую 2-комнатную квартиру — это было чудо. Большие окна, солнце играет по огромной, как тогда казалось, квартире. Не хватало, да просто не было почти жилья в городе. В школу ходили мы с братом мимо разбомбленного дома; третьего этажа нет, от второго оконные проемы, да осколки стен, а на первом — люди жили. Жили в бараках, временках, жили верой, что завтра будет лучше, чем вчера. А в 1959 году родился младший — Игорь.

Во второй половине 60-х стало легче, вот только здоровье все чаще стало подводить отца. Но если раньше стране, да и всему народу мысли в голову не приходило о льготах ветеранам, то уже к двадцатипятилетию Победы, когда ветеранов становилось все меньше и меньше, о них вспомнили. В военкомате отцу помогли восстановить утраченные документы, медкомиссия подтвердила, что заболевание вызвано фронтовым ранением. Переоформили инвалидность на инвалида Великой Отечественной войны. Это дало право отцу на бесплатное лечение. Съездив несколько раз в Крым, отец понял, что лечение там не помогает, и краше нет белорусских сосновых боров с чистым целебным воздухом. Отец очень любил и знал лес, любил рыбалку. Летом редкий выходной проводили дома. Корзины с бельем на велосипед и за город, на старицу Сожа (река, на которой стоит Гомель). Мать полощет в реке белье, отец рыбачит, одним глазом на поплавок, другим за нами, пацанами, плескавшимися на мели. Не усмотрел. Поплыл с друзьями на ту сторону, а меня подхватило течением и снесло в омут. Опускаюсь, чем глубже, тем холоднее, темнее вода, водоросли вьются, а илистое дно не хочет отпускать. Кричал не «Мама», которая так и не научилась плавать, кричал «Папа». Наверное, в последний раз решил взглянуть я на солнышко, а перед глазами отцовское лицо. Вцепился в бату руками, ногами. Как буксир поплыл он к берегу, плавал хорошо. Вынес меня на песок, вытер сопли, упокоил. Долго я потом боялся глубокой зеленой воды, мест в озерах, заросших густой травой, илистого дна. Только не позволял отец бояться, не позволял лениться. Отпуск проводили в деревне. Не забывал ее отец, и она его. Односельчане часто бывали у нас, жили по несколько дней. В те года, когда расплачивались с крестьянами по трудодням натурой, приезжали они поздней осенью на рынок. Продать избыток продуктов, купить городские товары, которые не часто завозили в сельпо (сельская потребительская кооперация). Наша квартира напоминала тогда караван-сарай. Но и мы в деревне были желанными гостями. А в деревне дом, построенный отцом, мать и сестра. И

сено косили, и стадо пасли, и рыбу ловили. Рыба, грибы, ягоды — были не только отдыхом, но и подспорьем.

Поздняя осень. Ясное холодное утро. На чистой соложке осмоленный соломокой и вымытый до нежного золотистого цвета кабанчик. Копенка сена во дворе, и вот мы с братом держим в руках по ломтю ржаного хлеба, а на вилке по доброму куску домашней колбасы. Вкуснее после этого ни разу колбасы не ел.

Сестра вышла замуж, уехала в Киев, но остались друзья, соратники. Всегда отца встречали в деревне как родного, и что удивительно, даже люди старше его по возрасту называли отца уважительно — Павел Семенович, может, за его рассудительность, за спокойствие, за такт. За свою жизнь я много поездил по городам и весям нашей необъятной родины и убедился в одном, что в селе на Припяти, в деревне на Шилке, в ленском улусе — везде одинаково простые люди гостеприимны, живут одними и теми же трудовыми заботами, и слово «счастье» для них означает одно и то же. Был бы в доме достаток, хватало бы здоровья на тяжелый крестьянский труд, счастливы были бы дети. А такт, культура, интеллигентность у крестьян свои, природные. Интеллигент — не профессия, не образование, это состояние души.

Сколько помню себя, отец всегда был рядом. В будни и в праздники. В библиотеке дворца культуры железнодорожников, куда мы ходили по выходным. Своих книг в доме было немного, а книголюбом отец был страстным, при этом хорошим рассказчиком. В лесу не просто собирали грибы и ягоды, а учились. Учились развести костер одной спичкой и так, чтобы не поджечь лес. Учились жить с лесом в ладу; и змея просто так не укусит, и лесу она нужна, а без муравья лесу вообще не жить. Узнавали от него, что утка не только по озеру плавает — показал он нам, как она утят из дупла в глухом лесу на землю сманивает, как летят смешные серые шарики, трепыхая в воздухе еще бессильными крылышками. Показывал и волчье логово в дубняке, и норы, отобранные лисой у барсуков. Много чего показал нам отец и в лесу, и на воде. Открывая нам мир, учил жить с ним и с собой в ладу. Как жил сам. Как жила наша мать. Когда и как решали они конфликтные вопросы, мы не слышали (при нас они никогда не ругались), а, имея трех сорванцов, без проблем было не обойтись. С каким бы серьезным вопросом ни обратились мы к матери, ответ всегда был одинаков: «Как скажет отец». Став взрослым, я понял: Да! все было так, как скажет отец, но решала мама! В том, что отец прожил намного больше, чем пророчили ему врачи, ее заслуга. Её забота, её любовь. Отец платил тем же. Не было показной любви, высоких слов. Они просто уважали, жалели друг друга. За всю жизнь пьяным отца помню раза три (на свадьбе у сестры матери, когда приезжали друзья сослуживцы), но по нынешним меркам разве это пьяный, который на своих двоих идет и песни поет. В остальное время отец всегда был чем-то занят. Сделать круглый стол, мода на которые возникла в начале шестидесятых, запросто — ножовка, рубанок не валились у него из рук. Отремонтировать электроприборы — и себе и соседям. Сварить флотский борщ, так в первые дни после свадьбы он сам этому маму учил. «Мужчина должен уметь все, в том числе и то, что умеет женщина тоже, и даже немного лучше». Самопал детям сделать и испытать его в душевой — пожалуйста, но только потом трубка под молоток, рукоятка в куски. Надо? Сами делайте. Отец мог всё! От нас требовалось то же. Вот только стирку мать никогда никому не доверяла, вся остальная работа делилась на всех, невзирая на возраст.

Выросли дети, разлетелись из родного гнезда. Старший стал инженером, младший учителем. Внуки, внучка. Жить бы да жить, пятьдесят девять — не возраст для мужчины... Умер отец в один год, в один месяц со своей родной деревней.

В первых числах мая 1986 года приехала, как обычно, каждую весну за ним машина, увезла отца в военный госпиталь, который находился за городом в сосновом бору. Уезжал отец туда всегда с радостью, ведь это был своего рода клуб ветеранов, где встречались старые друзья, которым было о чем вспомнить и о чем рассказать, на что посетовать и чем похвалиться перед товарищами. Общей болью прошло по палатам известие о Чернобыльской катастрофе.

Если на Первомайские праздники о Чернобыле скромно умолчали, и в Гомеле народ толпами валил на демонстрацию, на маевки, радуясь прекрасной погоде в выходные дни, то уже через неделю об этом заговорил весь мир, стали вывозить из города детей. Власть предержавшие по телевизору успокаивали население, а сами отправляли родных и близких куда подальше. Абрамовичи и Рабиновичи сдавали квартиры под охрану и бежали, как в Великую Отечественную, из Гомеля до самого Ташкента. Были целые подъезды, дома опечатанных квартир. И никакой точной информации. Слухи. Слухи обрастали новыми «ужасными подробностями». Стали целыми селами эвакуировать людей из пораженной радиацией зоны. Эвакуировали отцовскую деревню. Зону обнесли колючей проволокой. Возможно, гибель деревни, да что деревни, драма всего Полесья и стала последней каплей.

Был ли отец героем? Он себя героем не считал. Для нас, его сыновей, самый высокий отцовский подвиг в том, что не сломался он после госпиталей, прожил не три года, как пророчили, а сорок, поднял, вырастил нас, научил любить жизнь, людей, быть людьми. Война? Как он говорил: «Все воевали».

*Сам я не был на той войне,
Но во мне отцовские раны,
Что носил он с фронта в себе,
От которых он умер так рано.
Во мне раны его и боль,
Его воля и жажда к жизни,
Нерастраченная любовь.
Его вера в нашу отчизну.
Во мне гордость его и честь.
И скупая мужская слеза.
И я знаю, пока я есть —
Мне об этом забыть нельзя.*

Нельзя о подвиге народа забывать ни нам — их детям, ни их внукам-правнукам.